

**НЕ ПОРА ЛИ НЫНЧЕ, БРАТЯ-ПСИХОЛОГИ,
НАЧАТЬ НОВЫЕ ПЕСНИ И НЕ РАСТЕКАТЬСЯ
МЫСЛИЮ ПО ДРЕВУ?**

В.М. АЛЛАХВЕРДОВ

Аллахвердов Виктор Михайлович — президент Санкт-Петербургского психологического общества, председатель программного комитета III Съезда РПО, председатель экспертного совета РПО, профессор кафедры общей психологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор психологических наук.

Автор книг «Опыт теоретической психологии (в жанре научной революции)» (1993), «Сознание как парадокс (экспериментальная психологика)» (победитель конкурса 2000 г. на лучшую научную книгу по психологии в Санкт-Петербурге), «Психология искусства. Эссе о тайне эмоционального воздействия художественных произведений» (победитель конкурса 2001 г. на лучшую научно-популярную книгу по психологии в Санкт-Петербурге), «Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания» (победитель национального конкурса «Золотая психея» в номинации «Лучший проект в психологической науке 2003 г.»).

Контакты: crhome@mail.rcom.ru

Первые фразы «Слова о полку Игореве» трактуются по-разному. Согласно одной из интерпретаций, по Древу жизни между Волком (корнями) и Орлом (небом) «растекалась» Белка (мысль), передавая информацию (поток брани) от одного к другому. Сегодня в положении такой белки оказались психологи, пытаю-

щиеся соединить в одно целое низменные потребности организма и высокие духовные ценности человека. А в итоге их не слушают ни политики и экономисты, обслуживающие главным образом волка, ни поэты и пророки, летающие рядом с орлом. Сегодняшние модели развития общества направлены прежде всего на

удовлетворение примитивных потребностей организма (стилистически это маскируется, конечно, более благопристойными фразами о всеобщем благоденствии или развитии благосостояния). Но строить модели оптимального благосостояния так же бессмысленно, как строить модели наилучшего выживания. В биологии отсутствуют какие-либо критерии, позволяющие количественно оценить эффективность выживания организма или вида. Тем более бессмысленно оценивать выживаемость или благоденствие в качестве критерия социальной эффективности. Действительно, как оценить, кто в истории эффективнее выживал (или благоденствовал): Сократ, Ван Гог, Василий Блаженный, Наполеон, Герострат или ямщик, который вез Чехова на Сахалин? Нелепо также спрашивать, кто эффективнее способствовал выживанию или благосостоянию человечества: балерины, ткачи, полководцы, пастухи-долгожители, филателисты, фараоны или стеклодувы?

Основная ошибка существующих моделей социального развития состоит в том, что они стремятся обеспечить выживание или благосостояние организмов (что никогда реально не достижимо). Претендуя на создание социальных идеалов, мы приравниваем человека к животному! И при этом, с другой стороны, любим произносить такие замечательные слова, как духовность, красота, свобода, братство, доброта, милосердие, любовь и пр. Но что делать экономистам и политикам с этими сладкими, но плохо формализуемыми словесными конструкциями? Они, разумеется, тоже любят подоб-

ные слова, но не могут воплотить их в социальных моделях, ибо не знают, что именно надо воплощать. Психологи же зачем-то гонятся белкой по древу жизни, полагая человеческое поведение то ли следствием организменных потребностей, то ли направленным на постижение духовности и других высших ценностей. А ведь отлично знают, что человек — это прежде всего существо сознательное, способное самостоятельно и ответственно делать выбор. И что именно сознательная деятельность реализует созданные культурой идеалы.

Разумеется, условием сознательной деятельности человека является само существование человека. Но все же ценен не сам факт этого существования, не количество детей, которых человек породил, не материальные вознаграждения, которые он получал, а проявленная им в течение жизни *сознательная активность*. Уверен, что общественное устройство должно ориентироваться на человека именно как на существо сознательное. Сознательная деятельность протекает в соответствии как с известными, так и с пока еще неизвестными психологическими законами. Но уже даже то небольшое, что мы знаем сегодня, позволяет сформулировать условия, обеспечивающие наилучшие возможности для проявления сознательной активности. Не пора ли направить усилия общества на обеспечение эффективной работы сознания? Разве не в создании подобных условий главная задача социального развития? А если это так, то психологи более всех должны именно себя винить за то, что у современного общества нет осознанного вектора

движения. Ведь кто иной, кроме профессиональных исследователей сознания, способен ответственно указать направление, в котором следует плыть? Убежден, что эту ответственность раньше всех готовы принять на себя отечественные психологи, которые привыкли к обсуждению масштабных и фундаментальных проблем, недолюбливают точечные исследования, не позволяющие увидеть за деревьями леса, и острее, чем их западные коллеги, чувствуют тоску по интеграции психологического знания.

Социальное древо и клыки волка

Вся сегодняшняя политическая терминология, ее основные идеологические позиции возникли, по существу, не позднее XIX в. и сильно устарели. Жизнь показала утопичность большинства этих конструкций. Все тоталитарные правители с неизбежностью теряли управление над созданными ими монстрами, потомуки их проклинали, а созданные ими государства с треском разваливались. Религиозные общества всегда отходили от своих истоков и либо трансформировались в обрядово-тоталитарные, когда исполнение ритуальных предписаний становилось важнее духовного порыва, либо преобразовывались в светские государства. Все построенные социалистические общества оказались пародией на социалистическую идею. А сейчас мы с удивлением наблюдаем, как становление так называемого гражданского общества, устремленного вроде бы на повышение активности населения, возрастание его роли в

принятии решений, в реальности ведет к обесмысливанию жизни и к общественной пассивности. Демократические общества превратили демократию в хорошо оплачиваемое шоу. Впрочем, никто никогда не обсуждал, из каких именно демократических моделей мы делаем выбор. В античной Греции и во Флоренции, например, бросали жребий при назначении на ответственные посты, избавляя народ от участия в шоу под названием «выборы». (Правда, даже выборы по жребию не помешали банкиру К. Медичи на корню скупить всю флорентийскую демократию.) Существуют экзотические версии новгородской, мусульманской, венецианской демократии и т. п. Мы же перенимаем некую демократическую модель и считаем ее едва ли не единственной. И вдобавок ссылаемся на миф, порожденный остроумием У. Черчилля с его любовью к афоризмам: демократия — это наилучшее из всего заведомо плохого. Но разве есть кто-нибудь, способный объяснить, почему *сегодня* (а не в архаической античности, не обладавшей, в частности, психологическими методами отбора) именно демократия — как власть многих — предпочтительнее аристократии — власти немногих, но действительно лучших?

Технологическая революция резко изменяет мир. Стоит ожидать, что многие смыслы, которые сегодня кажутся важными, вскоре потеряют всякое значение. Сколько людей сегодня оправдывает свое существование необходимостью борьбы за кусок хлеба! Психологические эксперименты показывают, что на самом деле такое оправдание — чаще социальный стереотип, чем отражение

реальной физиологической потребности. Поэтому же многие одновременно борются с перееданием. Вполне вероятно, что наступит момент, когда технологии будущего смогут досыта накормить все человечество. (Говорят, Будде было достаточно шести семечек в день). Но, как ни странно, вряд ли это приведет к счастью. Наоборот, многие люди подвергнутся деморализации или депрессии, так как для них будет утрачен жизненный смысл. Какое же общество надо строить, толком не зная и даже не предполагая тех технологических изменений, которые наверняка произойдут?

Сегодняшние макроэкономические и социологические модели развития общества в принципе опираются на такое представление о человеке, которое не соответствует никакой реальности. Экономический человек, ориентированный исключительно на потребительские блага, существует только в теоретических моделях в кошмарных снах экономистов. Ведь даже экономисты в глубине души знают, что не хлебом единым жив человек. А попытки воплощения подобных моделей в жизнь приводят к ужасающим последствиям. История учит: как только теоретик-экономист начинает реализовывать свои модели на практике, так получается как нельзя хуже. По-видимому, одним из первых свои либерально-экономические «Размышления о создании и распределении богатства» реализовал великий Тюрго во Франции, что в конечном счете привело к столь тяжелым последствиям, что без революции и гильотины уже было не обойтись. Последний пример — из истории на-

шей страны, когда уже наши экономисты вдохновились великой теоретической идеей: товар стоит столько, сколько за него платят. Беда в том, что как только эта банальность, известная каждой продавщице на базаре, принимается за теоретическое положение, так тут же она выступает как призыв к мошенничеству. Ну зачем, например, улучшать качество товара, если гораздо эффективнее так воздействовать на сознание (рекламой и другими средствами манипуляции), что человек начинает платить за него больше? У нас почти мгновенно конкуренция превратилась в коррупцию (поскольку это эффективный способ повышения цен), тут же заглохло производство (ибо зачем что-то производить, если дешевле поднимать цены на уже ранее произведенное?), канули в Лету многие социальные программы как затратные (а следовательно, экономически нелепые) и пр., и пр. В итоге произошло обесценивание ценностей культуры, ценности самой жизни и, как следствие, криминализация и наркотизация общества, резкое возрастание числа убийств и самоубийств. Но разве могло быть иначе? *Ведь сознание — принципиальное достояние человека, придающее его жизни смысл, — существует в моделях экономистов лишь как то, чем следует манипулировать.* Кстати, разработчики экономической системы нашего государства были последовательны и на себе подтверждали свои теоретические позиции: труд романтических идеологов капитализма тоже оценивался не по достигнутому страной экономическим успехам, а по тому, сколько за этот труд были готовы платить.

Россия за последние 15 лет еще раз показывает миру путь, по которому никому не следует идти, что, по ехидному высказыванию П. Я. Чаадаева, сделанному почти два века назад, вообще является миссией нашего отечества. Вначале мы якобы извратили социализм, а теперь вроде бы старательно извращаем капитализм. Но ни Россия, ни россияне не виноваты в этих кажущихся извращениях. Мы просто слишком буквально восприняли объявленную идеологию, поверили в ее осуществимость. Россия, обладая одной из самых лучших образовательных систем в мире, будучи по своему гигантскому пространству, по запасам полезных ископаемых и т. д. потенциально самой богатой страной земного шара, но *утратив неписаные традиции капиталистической жизни*, явным образом показывает, куда на самом деле ведут эти идеалы. Вполне умные и образованные люди в России просто стали буквально осуществлять то, к чему идеалы призывают. Тут же выяснилось, что это совсем не то, чего бы хотелось достигнуть.

Россия не может идти ни западным, ни восточным, ни тем более самобытным путем, ибо *все эти пути бесперспективны*. Западный путь ведет к упадку духовности, восточный — к отходу от достижений цивилизации, самобытный — назад, в прошлое, в очередную пропасть. Но, как известно, и строить новые утопии опасно, поскольку любые предполагаемые той или иной группой социальные идеалы при своем воплощении легко превращаются в свою противоположность. А значит, надо искать совершенно новые идеи.

Психологи в роли белки

Психология виновата перед обществом в том, что развиваемые ею концепции не оказали сколько-нибудь заметного влияния на социальные процессы в мире. Исключения подтверждают правило. Наиболее значимое воздействие на поведение людей, пожалуй, оказала теория эмоций У. Джемса, ныне считающаяся опровергнутой. По Джемсу, эмоции есть следствие моторных проявлений, т. е. мы плачем не потому, что нам грустно, и смеемся не потому, что нам весело, а, наоборот, мы грустим, потому что плачем, и веселимся, потому что смеемся. В итоге люди в Европе и в Северной Америке, как правило, даже не догадываясь о теории Джемса, стали чаще улыбаться в надежде, что жизнь от этого станет радостнее. Но вряд ли такое влияние отвергнутых психологических теорий может говорить о существенной роли психологии в обществе. З. Фрейд, как утверждает С. Пинкер (Pinker, 1994, p. 23), сумел попасть в десятку самых цитируемых в настоящее время авторов (пропустив вперед Маркса, Ленина, Библию, Шекспира, Платона и Аристотеля). Однако и он в большей степени вдохновил художников, чем общественных и политических деятелей. Впрочем, как можно обвинять конкретных строителей общественной жизни, что они никак не отреагировали на построения Фрейда, если сами психологи в своем большинстве уверены: Фрейд построил скорее мифологию, чем научную теорию (пусть даже многие и признают при этом, что он все-таки обнаружил реальные и весьма тонкие механизмы психики).

Психология потому не смогла проявить себя, что оказалась не способной решить важные вопросы и разделиться на множество не согласованных друг с другом взглядов. Как политики могут доверять какой-нибудь психологической теории, если теорий много и все они противоречат друг другу? Разве психологи пришли к согласию в том, какую функцию в человеческой жизни выполняет сознание? Неясно даже, каким образом человек может проявлять свободную волю и делать самостоятельный выбор. Ибо если поступки человека предопределены какими-нибудь причинами (генетическими, социальными, ситуацией, прошлым опытом, таблицей случайных чисел или чем угодно еще), то его выбор не свободен, а значит, он не может нести за него ответственность. Если же поступки человека не вызваны никакой причиной, то у него и нет оснований их совершать, а значит, он просто не может принять соответствующего решения. А потому все слова о свободе, правах человека остаются необоснованной политической декларацией, пока не станет ясно, как человек вообще способен осуществить свободное действие. Большинство же психологических школ (от бихевиоризма и психоанализа до когнитивизма) вообще трактуют человека как машину по переработке информации, да еще к тому же отрицается его способность к осознанию реальных причин, управляющих его поведением. А постмодернистский размысл психологии никуда не продвигает, поскольку он в принципе никуда не направлен, а только сбивает с толку.

К сожалению, психологи боятся делать реальные выводы даже из того, что знают. У. Джемс в конце XIX в. сформулировал «закон диссоциации образа при изменении сопровождающих элементов». Закон гласил, что сознание в первую очередь выделяет в предъявленном объекте те качества, которые отличают его от других объектов, сопровождающих его предъявление (Джемс, 1914). В XX в. психолингвисты также отметили, что смысл слова осознается только в противопоставлении каким-либо другим возможным вариантам понимания. Поэтому, например, термин «акустическая гитара» появился только с появлением электрической гитары, а Первая мировая война стала первой только после начала второй. Переносим это рассуждение на социальные процессы: для того чтобы какую-то группу признать *своей*, человек вначале какие-то другие группы оценивает как *чужие*. Иначе говоря, понятие «мы» формируется только через понятие «они». Этот вывод при исследовании студенческих групп экспериментально подтверждают В.С. Агеев и А.А. Теньков и называют «эффектом отрицательной асимметрии начальной самооценки» (см.: Общение и оптимизация..., 1987, с. 182). Отсюда ясно, почему благородный призыв Рассела-Эйнштейна признать себя принадлежащими к роду человеческому и *забыть обо всем остальном* психологически неосуществим, ведь понятная оппозиция возникнет разве лишь в случае появления инопланетян. При отождествлении себя с какой-либо социальной группой (например, с этносом) человек может рационально обсуждать, почему он

относит себя к данной группе, но на самом деле он прежде всего, не всегда осознавая это, отрицает свою принадлежность к другим подобным группам. Например, чтобы осознать себя русским, вначале необходимо отстраниться от тех, кто русским не является. В противном случае не произойдет национальной самоидентификации. Самоидентификация с другими людьми по любому явно выраженному признаку (по крови, языку, конфессии и т. д.) психологически невозможна. Выделение признака, позволяющего признать себя человеком той или иной национальности, является лишь рационализацией неосознанно сделанных отторжений. Потому сами признаки позднее могут пересматриваться. Устойчива же только не в полной мере осознаваемая оппозиция «Я не такой, как они».

Но почему психологи обо всем этом молчат? Определение национальности по «чистоте породы», как йоркширских свиней (сравнение П. Сорокина), т. е. по национальной принадлежности родителей, столь популярное даже в развитых странах, — это архаический способ мышления, весьма сомнительный с точки зрения генетики и совершенно немислимый этически. На каком основании кому-либо можно запретить считать себя русским, французом или китайцем? А сказанное ведь сразу обостряет проблему толерантности: как научить себя уважать тех, кого заведомо признаю чужими? Как чужих посчитать не противниками, а столь же славными, но другими?

Психологи больше умеют, чем знают. Но и их умения мало используются. Например, разработаны и

апробированы технологии взаимодействия в конфликтной ситуации, ориентированные не на силовое давление, а на понимание и сотрудничество. Но эти технологии не поддержаны соответствующими социальными институтами, а потому их редко используют и в реальной политической борьбе, и в семейной жизни. Не удивительно, что человек начинает отстаивать свои интересы и ценности так, как умеет, — манипуляциями и силовыми методами. Такой способ решения проблем, по-видимому, даже сегодня принимается большинством человечества как чуть ли не единственно возможный. Однако психологи, как никто другой, знают, что временный силовой выигрыш в долгосрочной перспективе абсолютно не эффективен. Ведь проигравший — тоже человек, обладающий свободой воли, а потому он не прощает, когда его свободу *насилу* ограничивают. Проигравшая сторона начинает копить силы, чтобы изменить ситуацию и в подходящий момент поставить в униженное положение победителя. А потому в долгосрочной перспективе, как правило, силовые победы оборачиваются поражением. История учит, что уже спустя 30–40 лет после победы в войне победители гораздо чаще отстают в своем развитии от проигравших. Силовые методы как локальный прием иногда неизбежны, например, в случае непосредственной угрозы жизни, когда требуется действовать быстро и решительно. Но они никогда не решают глобальных проблем. Накопленные в прошлом обиды спустя годы и даже века могут переживаться сильнее, чем непосредственно в момент нанесения обиды, —

ведь утратив свою непосредственность, эти обиды становятся иррациональными. Отсюда понятно, почему силовыми методами невозможно ни избавиться от экстремизма и терроризма, ни решить другие сложные человеческие проблемы (от национальных до семейных). Особенно опасен по последствиям выигрыш путем манипулирования сознанием. Рано или поздно он будет осознан как откровенный и наглый обман, за который обязательно придется расплачиваться самим манипуляторам или их потомкам. Конечно, если начать манипулировать сознанием в самом раннем возрасте, то люди привыкают к манипуляциям как к неизбежному злу. Но это самое страшное. Ведь зачастую при этом утрачиваются человеческое достоинство или интеллектуальные способности. Так, под мощным воздействием компьютерных игр, клиповой и рекламной видеопродукции, создающих жестко структурированную картинку на экране, сегодняшние дети начинают терять собственное умение самостоятельно организовывать свои зрительные впечатления. Неужели мы хотим, добиваясь тактических успехов в воздействии на подрастающее поколение, воспитать в итоге полуроботов, способных лишь загубить предшествующие достижения культуры и цивилизации?

Но сообщество психологов молчит. Неужели потому, что, околпаченное постмодернизмом, методологическим анархизмом и иже с ними, вообще не верит ни в истинность своих знаний, ни в эффективность с таким трудом добытых умений? А в итоге волки сами по себе лают, а орлы сами по себе летают. И всегда

найдутся психологи, персонально обслуживающие вой волков, а некоторые даже обеспечивают полет орлов. Поэтому если кто-либо из психологов и заговорит, то его, разумеется, никто не услышит. Волки и орлы доверяют только *своим* психологам.

Куда ж нам плыть?

И все же психология в изучении сознания продвинулась далеко вперед. Стало ясно, что сознание — это не инструмент, предназначенный для адаптации в якобы непрерывной и суровой борьбе организмов за жизнь. Для непосредственного решения задачи жизнеобеспечения сознание обычно не только не нужно, оно может даже мешать, нарушая спасительные автоматизмы организма. Известно, что люди, попав в катастрофу, часто погибают не от непосредственного физического воздействия, а от ужаса, который охватывает их сознание. Только благодаря сознанию человек способен к самопожертвованию. Экспериментально можно показать, что сознание обладает *неадаптивной* активностью (см., например: Петровский, 1996). И перед сознанием не должна стоять задача «адекватно отражать действительность»: неосознанно реальность отражается и быстрее, и точнее. Иными словами, сознание не направлено на то, чтобы отражать реальный мир и тем самым обеспечивать себе еду, питье и жилье. Но что же оно тогда делает? Сегодня становятся более ясными и законы, которые управляют работой сознания (см., например: Аллахвердов, 1993; 2000). Особенно явно выделяются две тенденции.

Первая тенденция. Сознание конструирует свое представление о мире и побуждает человека жить по законам этого своего мира. В субъективном мире сознания все детерминировано и взаимосвязано, все наполнено смыслами. *Сознание при этом всячески стремится подтвердить те представления, которые имеет.* Психологи говорят: мы видим только то, что понимаем, мир в нашем восприятии всегда искажается *до узнаваемости*, из памяти вытесняется то, что *не соответствует* нашим ожиданиям. Сознание так управляет неосознаваемыми процессами, что умудряется *сглаживать* многие возникающие противоречия между имеющимися представлениями и опытом. И даже устойчиво повторяет свои ошибки в самых простых задачах (например, арифметических или мнемических), как бы доказывая самому себе правильность своих предшествующих действий. Так, многие люди упорно делают опечатки в одних и тех же словах или неправильно произносят некоторые слова, хорошо зная тем не менее, как на самом деле их надо произносить. Подавляющее большинство людей считает себя хорошими, умными, добрыми, знающими все самое важное о мире и т. д. Сознание всячески стремится подтвердить это свое представление. Поэтому, например, человек обычно объясняет собственные успехи своими достоинствами, а неудачи — случаем, обстоятельствами, невезением и т. д. (Ежели человек изначально считает себя неудачником, то, наоборот, уже успехи будут оправдываться случаем.)

Итак, одна из двух главных жизненных потребностей, создаваемая

сознанием и образующая смысл существования человека, — доказать самому себе, что и мир такой, как он думает, и сам он именно такой, как он о себе думает. И только при подтверждении правильности своей позиции человек испытывает подлинное эмоциональное удовлетворение.

Великую роль в поддержке самооценки играет социум. Человека всегда понимали и уважали в его ближайшем окружении. В культуре стихийно складываются и обеспечивающие эту тенденцию сознания социальные механизмы, например, семья. Однако в возникающем сейчас глобальном мире, где человек получает гигантское количество информации, постоянно перемещается, встречается в сотни раз с большим количеством людей, чем его родители, ему становится нужна и глобальная поддержка. Проблема в том, что специально разработанные общественные механизмы обеспечения поддержки и понимания мыслей и чувств человека отсутствуют. А ведь только человек, чувствующий, что общество его понимает, может быть уверен в востребованности себя как личности. Люди начинают искать способы «достучаться» чуть ли не до всего человечества, увидеть представленность своих ценностей и в политических декларациях, и в СМИ. Стоит ли удивляться организации ТВ-шоу террористами: чем красочнее картинка на экране и чем дольше ужасаются произошедшим все люди, тем реально больше надежды у террористов на понимание. Ведь в конце концов, полагают они, должно же человечество задуматься, почему мы идем на такие жертвы! В условиях глобализации отсутствие продуманных социальных

институтов понимания людьми друг друга становится особенно опасно.

Сознание так устроено, что человек неизбежно отождествляет нетождественное, в частности, отождествляет самого себя с какой-либо группой людей. Поскольку люди, принадлежащие к одной культуре, к одной социальной группе, искажают реальность более или менее сходно, постольку эти искажения их и объединяют. Чувство «Я такой же, как и другие» создает хотя бы иллюзию взаимопонимания. Культура всегда пыталась найти способ достижения взаимопонимания между людьми. Но чаще находила его не в рационально организованных процессах, а в религии. Однако *религиозная вера* опирается именно на веру, а не на опыт или рациональные убеждения: если бы религию можно было доказать, вера была бы не нужна. Никакой опыт не может вступить в противоречие с верой, ибо вера опирается на то, что в реальном («видимом») опыте не может быть дано, так как религиозная картина заведомо описывает Невидимую Реальность. Однако совместное исполнение ритуалов не имеет никакого смысла, если люди не одинаково понимают то, что они делают. Сознание же человека обязательно приписывает смысл всему, что он делает. Поэтому участие в совместных ритуалах с необходимостью побуждает людей чувствовать, что они солидарны друг с другом, что они друг друга правильно понимают. Религиозная картина мира, однако, консервативнее всех остальных картин мира, создаваемых культурой. Она почти не корректируется. Все верующие всегда искренне уверены именно в своей исходной

правоте (потому мусульмане называют себя *правоверными*, мы называем свою культуру *православной*, католики в самоназвании выражают уверенность, что их единственно правильная религия просто охватывает всю Вселенную, и т. п.). Все это не способствует возможности договориться. Как, например, мусульмане должны воспринимать западную цивилизацию, целиком опирающуюся на банковский капитал, если пророк в Коране объявил, что давать деньги в рост — страшный грех? Как между разными конфессиями и культурами возможно взаимопонимание? Договоренность — это всегда результат рационального процесса, а не веры. А потому рано или поздно придется создавать рациональные социальные институты, специально направленные на толкование и поддержку существующих у людей картин мира.

Вторая тенденция. Сознание предназначено для того, чтобы создавать такие представления, которые адекватны миру. Пусть картина мира всегда субъективна. Пусть она содержит множество искажений. Да, это скорее шарж на реальность, чем точное изображение. И все же и здравый смысл, и многочисленные исследования показывают, что *сознание стремится (и ему хотя бы частично это удается) сделать свои субъективные представления все более адекватными реальности*. Культура, различные социальные влияния снижают произвол в возможных вариантах построения субъективных картин. В этом охранительная функция культуры. И все-таки, разумеется, смена субъективной картины мира тоже случается, пусть трудно и с большим запаздыванием. Наблюдается даже

исправление искажений, вносимых культурой в картину мира, хотя последнее происходит совсем медленно.

В культуре давно созданы образовательные системы, направленные на повышение адекватности понимания окружающего мира. Но практически не существует никаких социальных институтов, направленных на повышение адекватности понимания самого себя. В развитых странах (и, в частности, в России) у людей постоянно возрастает потребность в контактах с психотерапевтом. А ведь задача психотерапии и состоит в том, чтобы человек лучше осознавал сам себя, становился адекватнее самому себе. Однако психотерапевтическая помощь не может заменить общественные механизмы, способствующие адекватной самооценке. Необходимо специальное конструирование таких механизмов. Об этом, пусть немного наивно, говорил Дж. Морено, веря в возможности применения своей социометрии в качестве общественно значимой оценки всех людей. Общество будущего, наверное, должно искать какие-то приемлемые способы корректировки своей самооценки.

Человек не может соотнести данное ему в сознании представление о себе с самим собой, как он есть на самом деле (последнее ведь непосредственно не дано его сознанию). Социум играет главную роль и в изменении самооценки. Если социальная группа, с которой человек себя идентифицирует, задает идеал «рыночного человека», то принявший этот идеал человек будет оценивать себя через призму своей рыночной стоимости и, соответственно, стараться

ее повышать. Если социум задает идеал «человека долга», то принявший этот идеал человек будет оценивать себя через призму следования заданным культурой или социальной группой нормативам поведения. В коллективистских культурах также часто возникает жертвенная позиция, требующая оценивать себя по степени ущемления собственных интересов ради интересов окружающих людей. Все эти и другие подобные (якобы объективные) критерии не только не ведут к реальной проверке самооценки, но способны разрушить самоидентичность личности. Э. Фромм справедливо называет выбор таких критериев неплодотворными ориентациями характера. Если, например, сознание некоего человека выстроило для себя «рыночный» идеал и опирается на вытекающие из такого взгляда критерии самооценки, то в ситуации, когда обнаруживается, что рыночная цена этого человека вдруг упала, он отнюдь не становится более адекватным, но зато погружается в глубокую депрессию. Высокая рыночная цена реально никак не связана с добротой, нравственными и духовными ценностями, она весьма мало связана даже с умом или талантом. Социум влияет на самооценку, но влияет стихийно и далеко не всегда делает ее адекватнее.

Подведем итог и сформулируем направление движения. Все существующие социальные институты решают исключительно обслуживающие задачи и никак не способствуют эффективной работе сознания. Грубо говоря, и политики, и чиновники занимаются совсем не тем, чем бы им следовало заниматься. Создание

материальных благ — важная, но вспомогательная задача (ведь с милым сердцу обществом и в шалаше рай). Людям нужна реальная социальная поддержка. (Кстати, то, что сегодня называется социальной поддержкой, — обычно всего лишь поддержка материальная.) ***Надо конструировать специальные социальные институты, призванные поддерживать взгляды людей на мир и на себя (это будет делать их если не счастливыми, то по крайней мере удовлетворенными), и направленные на то, чтобы исправлять искажения, присутствующие этим взглядам (что будет делать их адекватными).***

Конечно, сказанное может показаться не слишком конструктивным. Кто знает, как оценивать работу политиков, чиновников или образовательные системы по тому, как они учат людей понимать друг друга и самих себя? Но ведь мной предложено лишь направление движения, а не конкретные шаги по реализации выбранного курса. Процесс создания новых социальных институтов (к тому же при обязательной и существенной переделке старых!) — сложнейшая задача. ***И конструировать модели будущего нужно не только собравшимся в узком кругу пусть даже самым мудрым представителям человечества, а вместе с той молодежью, которой предстоит это будущее создавать, в нем жить и по ходу не только исправлять уже допущенные и, к сожалению, неизбежные ошибки в проектировании будущего, но и строить новые проекты.*** Конечно, для организации такой совместной работы уже необходимо применять специальные психологиче-

ские технологии, облегчающие межпоколенческое и межкультурное взаимопонимание.

Под занавес рискну высказать еще одну мысль. Давно известно, что ум и образование отнюдь не делают людей счастливыми, — все помнят и название известной пьесы А.С. Грибоедова, и слова Экклезиаста: «Во многом знании много печали, и кто умножает познание, умножает скорбь». Две важнейшие тенденции — желание быть счастливым (или хотя бы эмоционально удовлетворенным) и стремление быть адекватным — всегда находились и будут находиться в противоречии друг с другом. А следовательно, ни одна модель будущего не может быть идеальной. Да и научное познание человека находится в вечном движении. Абсолютная Истина так же недостижима, как недостижимо и полностью идеальное общество. Но научное знание постоянно развивается, и каждая новая эпоха улучшает наши представления (догадки) о мире. Пусть нельзя и невозможно строить утопии, в которых все люди всегда жили бы счастливо. Тем не менее каждая новая эпоха будет реализовывать все лучшие и лучшие сценария будущего. И речь идет не столько об осуществлении новых технологических фантазий, сколько о создании общественных условий, адекватных законам работы сознания. Соответственно модели социального развития должны изначально проектироваться как потенциально изменяемые, в том числе и потому, что конструирование таких моделей вынужденно опирается на всегда развивающуюся психологическую науку.

Литература

Аллахвердов В.М. Опыт теоретической психологии (в жанре научной революции). СПб., 1993.

Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. СПб., 2000.

Джемс В. Психология. М., 1914.

Общение и оптимизация совместной деятельности. М., 1987.

Петровский В.А. Личность в психологии. Ростов н/Д, 1996.

Pinker S. The Language Instinct. How the Mind Creates Language. N.Y., 1994.